

АРХИТЕКТОР И ИСТОРИЧЕСКАЯ ГОРОДСКАЯ СРЕДА

LEGE ARTIS

Москва 1999

А. А. Скокан

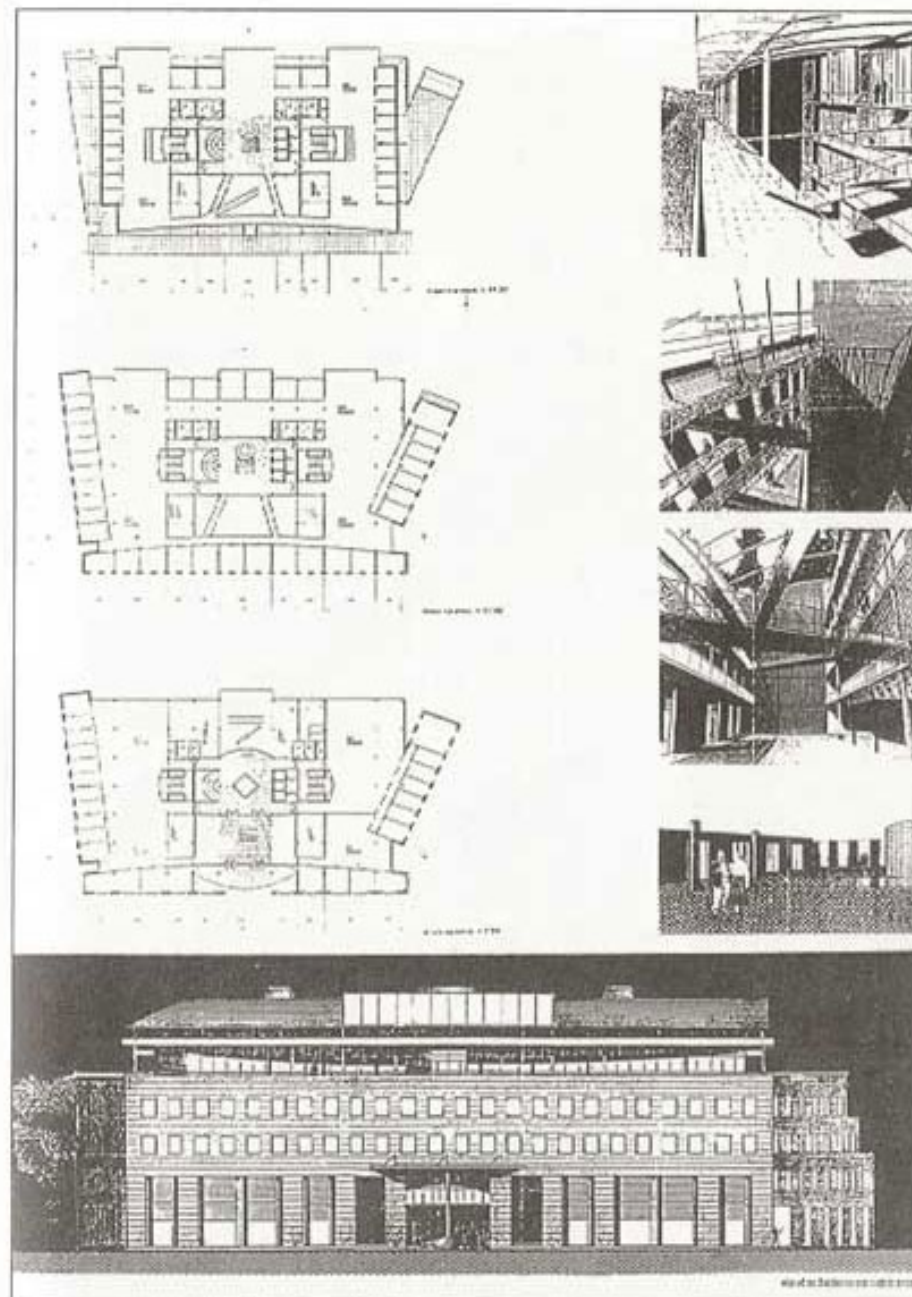
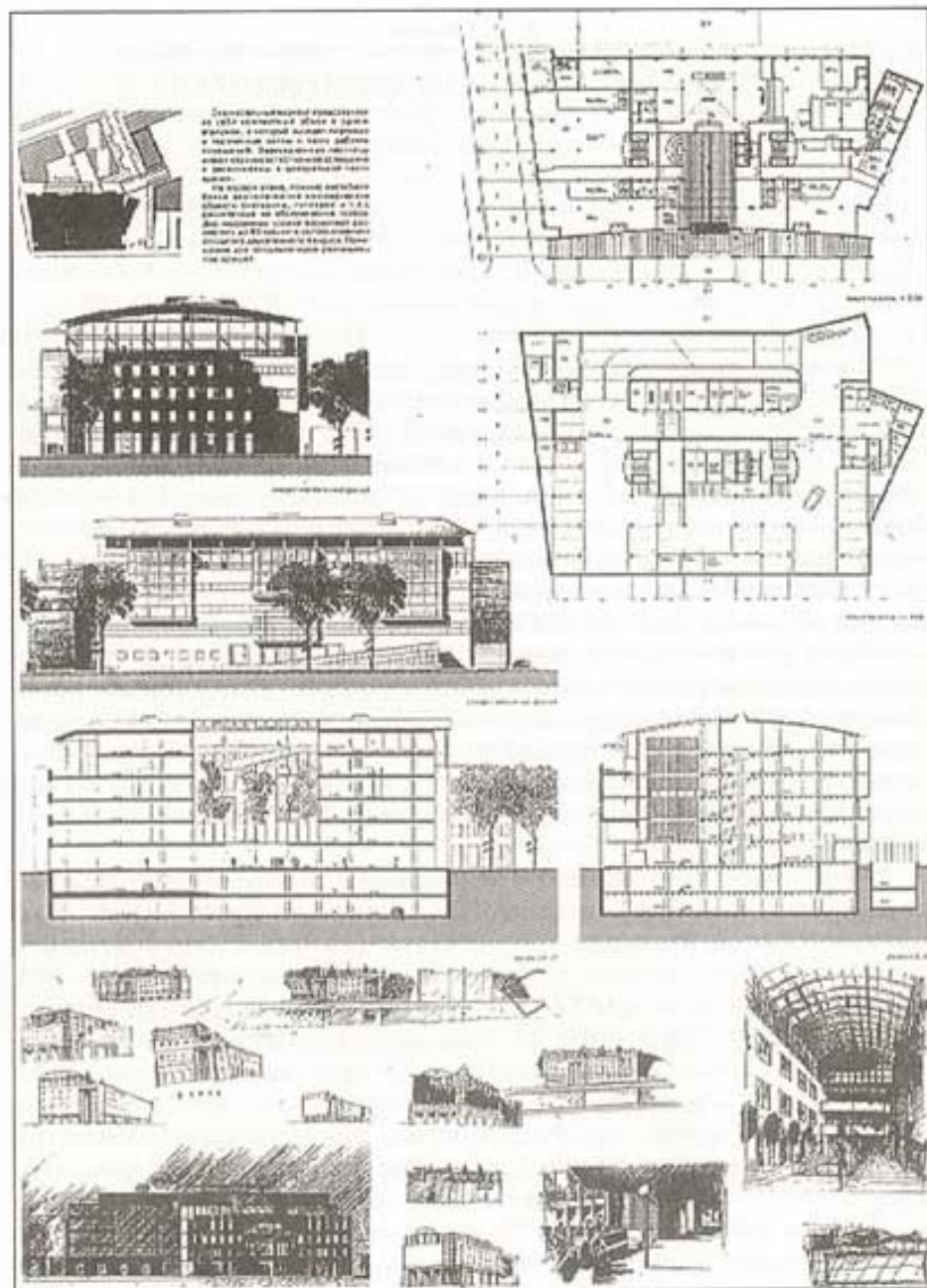
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ – НА АРХИТЕКТОРАХ

Мне хотелось бы поговорить на тему поднятую А.И. Комечем. Хочется отреагировать на то, что говорил Алексей Ильич, потому что я нахожусь как бы по другую сторону баррикад.

Что, на мой взгляд, произошло, начиная с середины 1950-х гг.? Идея средовой архитектуры, идея исторического контекста завоевала умы наиболее просвещенных архитекторов. Она внедрилась в практику архитектурной деятельности. Регулярная работа ЭКОСа, сложные согласования стали общепризнанной нормой. И вроде бы все это замечательно. Но то, что мы видим сейчас в застройке центра Москвы, безусловно, является откатом с уже завоеванных позиций. И не только потому что ЭКОС не использует своих возможностей или его используют власти в своих целях. Дело еще и в том, что идея, как это часто бывает, была подхвачена, замуслена и, в общем, в значительной степени опошлена. И то, что мы сейчас видим, то, что называется эклектикой или как-нибудь еще, – это, как мне кажется, во многих случаях и есть перевернутая идея контекстуальной архитектуры.

Я по своему опыту знаю, что формальные требования контекстуальности достаточно легко удовлетворимы, хотя часто в ущерб архитектурному качеству. Но буквально отвечая на эти требования – здесь отступить, там убавить и т.д., – гораздо легче пройти с такими проектами, чем с проектами, которые не пытаются подделываться под историческую архитектуру. Вообще же, мне кажется, что московские архитекторы в этом вопросе пошли по самому легкому пути, понимая проблему вхождения в историческую среду как своего рода экстраполяцию: вот стоит один исторический дом, вот другой, между ними пустота, для заполнения которой требуется нечто среднее, – вместо того, чтобы сделать такую современную вещь, которая не скрывает, к какому времени она относится.

Тут еще прозвучал вопрос: “А кто же заказывает музыку в этом городе – стилевую музыку, средовую музыку, образную музыку?” Тут довольно легко грешить на Лужкова или городские власти. Часто говорят: “Это Лужковская Москва, это Лужковская архитектура”. Мне кажется, что вопрос на самом деле сложнее, потому что идеологический

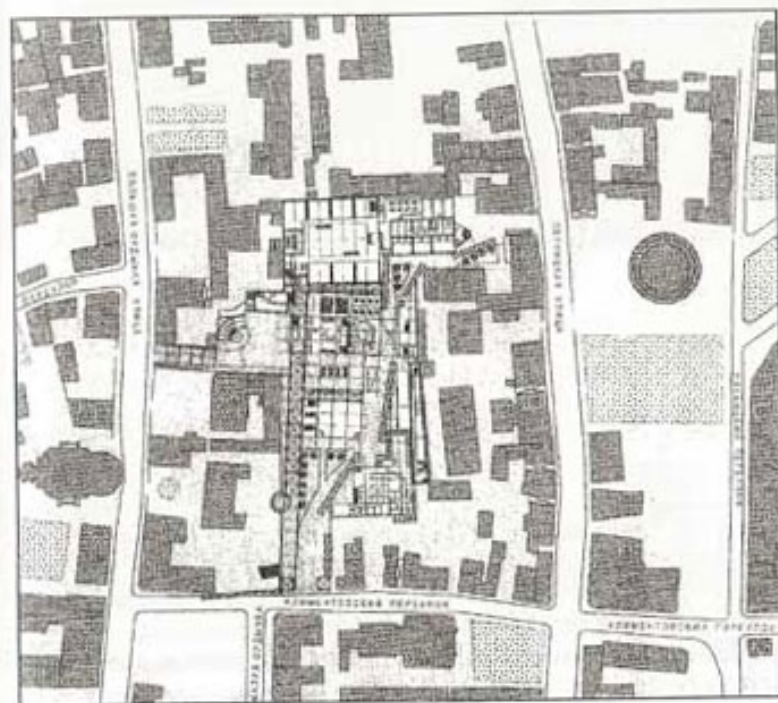
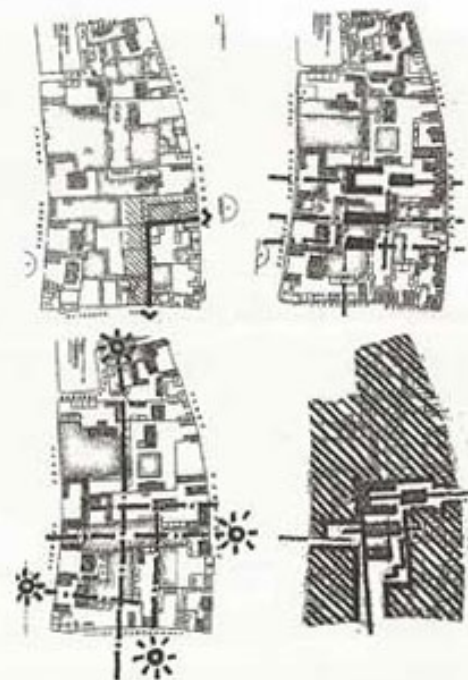
Проект Международного московского банка на Пречистенской набережной.
А. А. Скопан (рук.), В. Капшин, Р. Башиев

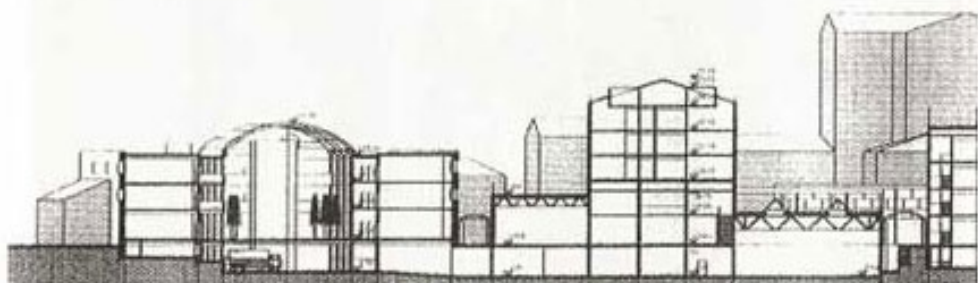
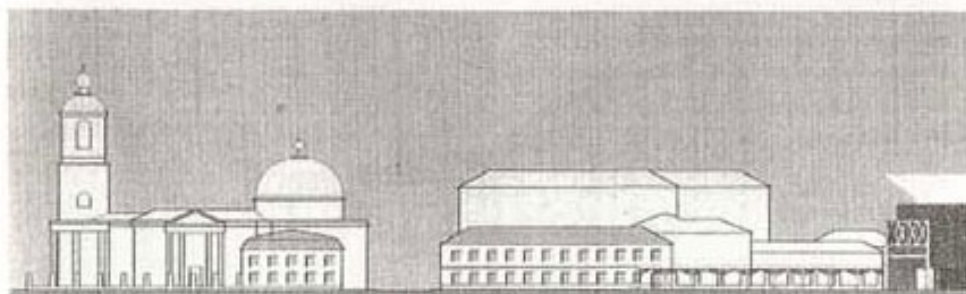

Международный московский банк.

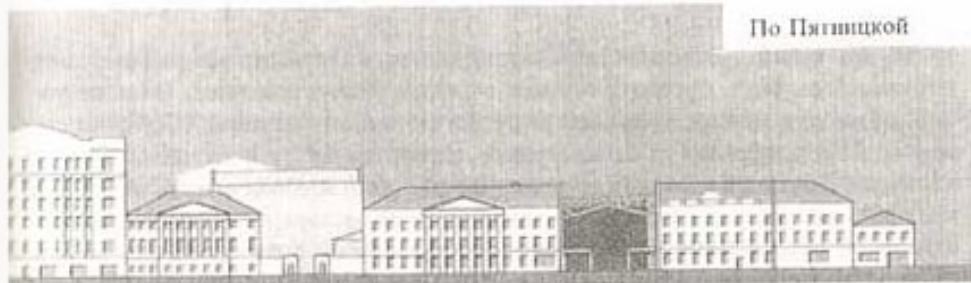
Архитектурно-планировочное и объемно-пространственное решение южной части квартала № 398 между улицами Пятницкой и Большой Ордынкой: Центр трудовой и медико-социальной реабилитации инвалидов «Экран». Анализ исторической планировки квартала и генеральный план.

А. А. Скокан (рук.), А. Гнездилов, Н. Токарев

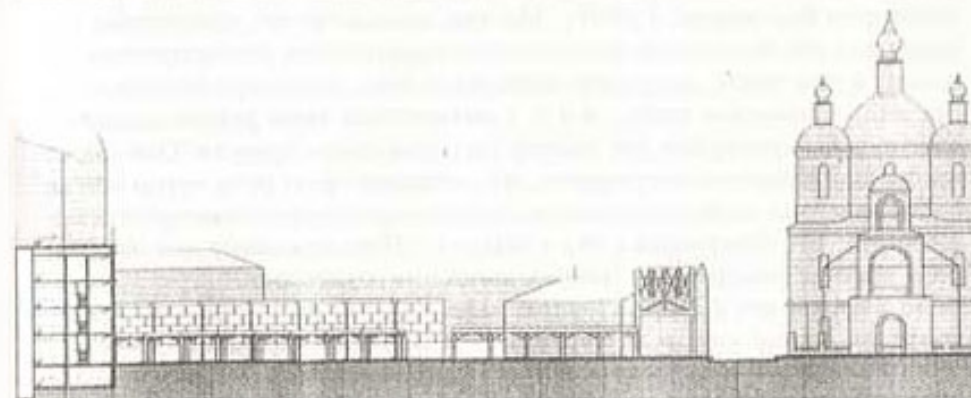
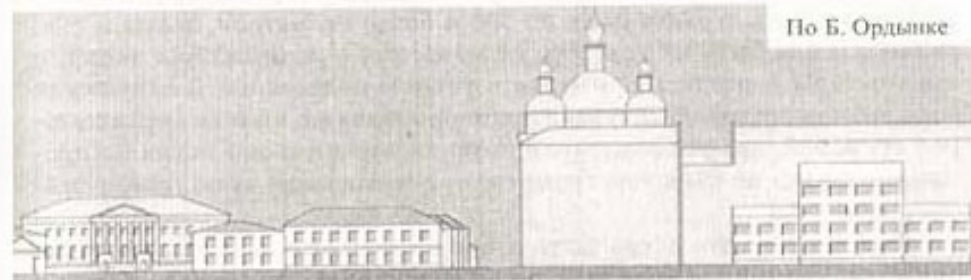
По Пятницкой

По Климентовскому

По Б. Ордынке

Архитектурно-планировочное и объемно-пространственное решение южной части квартала № 398 между улицами Пятницкой и Большой Ордынкой: Центр трудовой и медико-социальной реабилитации инвалидов «Экран». Развертки и разрез.

заказ, который так или иначе выдвигается властями, сформулирован достаточно общо, достаточно примитивно. Ресин говорит: “Мы же договорились: в центре – под старину, на окраине – модерн”. Лужков говорит: “Не потерпим плоскомордой архитектуры”, – или что-нибудь в этом роде, но не более конкретно. Все это достаточно общие слова, из которых не следует буквально никаких конкретных архитектурных решений. Я думаю, что за Москву, которая сейчас возникает, вот за эту псевдо-Москву – московский вариант Лас-Вегаса – претензии могут быть только к архитекторам, которые предпочли понять социальный заказ московских властей буквально и не смогли предложить взамен ничего другого, то есть опять же пошли самым простым и легким путем.

На самом деле есть много претензий к архитектурному цеху. Мне кажется, что архитекторы во многом оказались профессионально не готовы к тем свободам и возможностям, которые появились в конце 1980-х – начале 1990-х гг., не готовы к диалогу с новым заказчиком. Владельцы ужасных вилл, засоряющих сейчас подмосковные ландшафты, владельцы, которые еще вчера жили в коммунальных квартирах и вдруг получили возможность строить дома по 500 и более кв. метров, знают о том, каким должен быть их дом, так же мало, как и архитекторы; и они, и архитекторы оказались примерно в равном положении. В отношении городских сооружений ситуация примерно такая же, то есть у архитекторов нет ясной, профессиональной позиции, которую они могли бы противопоставить не слишком грамотному, не слишком культурному запросу заказчика.

Нам кажется, что очень часто отбор и согласование проектов происходит на основании чисто вкусовых оценок. Было бы гораздо проще и яснее, если бы, скажем, ГУОП г. Москвы давало четкие, конкретные указания или рекомендации, касающиеся существенных параметров сооружения, в том числе, например, материала стен, характера цоколя, соотношения проемов и стены, и т.п. Соответствие этим рекомендациям и являлось бы критерием для оценки того или иного проекта. Они служили бы юридическим документом, на основании которого автор или заказчик в случае своего несогласия с решением согласовывающей организации мог бы обратиться в суд и заявить: “Предложенные мне параметры в проекте выдержаны. Почему проект не согласован?”.

В двух словах о выставленном здесь нашем проекте реконструкции квартала между улицами Пятницкой и Большой Ордынкой. Это был один из первых конкурсов – пример зародившейся в Москомархитектуре и быстро набирающей темп конкурсной практики. В нашем случае регламентирующие проектировщика параметры были заданы очень приблизительно. На простой вопрос: “А есть ли историческая подосно-

ва?”, – один из организаторов конкурса сказал, что он сам ходил по территории и ничего ценного там не нашел. Слава Богу, у нас нашлись свои исторические подосновы на эту территорию, и нам удалось свой проект сделать. Но в начальных условиях самого конкурса этой минимально необходимой для культурного проектирования подосновы не было вообще.

Что для нас было важным в этом проекте? Мы исходили из того, что градостроительная ситуация на этой исторической территории, безусловно, уже сложилась и наша задача – выявить скрытый в ней потенциал для эффективного современного использования. Одним из элементов этого потенциала была историческая сетка домовладений, дающая отчетливую продольную планировочную ось, которую мы попытались выявить и подчинить ей все предлагаемые объемно-планировочные решения территории.

Этот проект не был отмечен жюри, но для нас он остается принципиально важным как пример использования существующих планировочных и композиционных предпосылок исторически сложившейся среды для новых функций.